

Паблик-арт в историческом городе: визуализация локального культурного кода

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

городские исследования
паблик-арт
культурный код
исторический город
городская идентичность
Великий Новгород
уличное искусство
культурная память

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется паблик-арт в рамках культурологического подхода – как одна из форм визуализации культурного кода города. Автор рассматривает существующие в российском академическом дискурсе варианты осмысления паблик-арта и выявляет два наиболее распространённых подхода к интерпретации искусства в общественном пространстве. Согласно первому подходу, паблик-арт интерпретируется как «заказное» искусство, которое является инструментом идеологической политики государства, и потому оценивается негативно. Согласно второму подходу, паблик-арт понимается в менее оценочном и более содержательном ключе, подчёркивается вариативность существующих в рамках него художественных практик, их направленность на коммуникацию с обществом, соучастие жителей и отражение локально значимых смыслов. В статье подчёркиваются коммеморативные функции паблик-арта, осмысливается его роль в актуализации культурной памяти города и репрезентации городской идентичности. Автор исследует, какие историко-культурные и мифологические нарративы воспроизводятся и транслируются на муралах Великого Новгорода, созданных в рамках Всероссийского фестиваля уличного искусства «Страницы истории» (2019–2023). В статье предлагается распределять новгородские муралы по следующим тематическим группам: 1) гении места; 2) исторические сюжеты; 3) мифы и легенды; 4) культурное наследие; 5) природные объекты; 6) современные герои. Автор аргументирует тезис о том, что представленные на муралах сюжеты органичны для Великого Новгорода, способствуют формированию локальной идентичности, усиливают образность городской среды и подчёркивают уникальность новгородского культурного ландшафта.

Для цитирования:

Спешилова, Е. И. (2024). Паблик-арт в историческом городе: визуализация локального культурного кода. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(1), 23–38. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-23-38](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-23-38)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Public art in the historical city: Visualizing the local cultural code

Elizaveta Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
e.speshilova@yandex.ru

KEYWORDS

urban studies
public art
cultural code
historical city
urban identity
Veliky Novgorod
street art
cultural memory

ABSTRACT

The article analyses public art within the framework of the cultural approach – as a form of visualization of the city’s cultural code. The author examines the variants of public art comprehension existing in the Russian academic discourse and identifies the two most common approaches to the interpretation of art in the public space. According to the first approach, public art is interpreted as “commissioned” art, which is an instrument of the state’s ideological policy, and is therefore evaluated negatively. According to the second approach, public art is understood in a less evaluative and more meaningful way, emphasizing the variability of artistic practices existing within it, their focus on communication with society, participation of residents and reflection of locally significant meanings. The article emphasizes the commemorative functions of public art and comprehends its role in the actualization of the city’s cultural memory and representation of urban identity. The author explores what historical, cultural and mythological narratives are depicted on the murals in Veliky Novgorod, created within the framework of the All-Russian Street Art Festival “Pages of History” (2019–2023). The article proposes to categorize Novgorod murals into the following thematic groups: 1) genius loci; 2) historical subjects; 3) myths and legends; 4) cultural heritage; 5) natural objects; 6) modern heroes. Art in Veliky Novgorod’s public spaces, especially located in typical Soviet districts, serve to individualize the urban environment and create new points of attraction for the city dwellers. Murals have become part of new excursion routes that run both through the symbolic city center and the city outskirts. The author argues that the subjects represented on the murals are authentic for Veliky Novgorod, contribute to the formation of local identity, enhance the imagery of the urban environment and emphasize the uniqueness of the Novgorod cultural landscape.

For citation:

Speshilova, E. I. (2024). Public art in the historical city: Visualizing the local cultural code. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(1), 23–38. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(1\)-23-38](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(1)-23-38)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Введение

Интерес к теме уличного искусства явно просматривается как в российских социокультурных практиках, так и в академическом дискурсе последних лет: растёт и количество фестивалей уличного искусства, и число научно-исследовательских статей, посвящённых изучению этого феномена с точки зрения различных подходов (искусствоведческого, культурологического, антропологического, урбанистического и т. д.). Однако, несмотря на появление ряда качественных тематических сборников, например, «Эстетика стрит-арта» (Куксо, 2018) и «Public art vs город: диалог или противостояние?» (Пуликова, 2022), стоит отметить сохраняющуюся в данной области терминологическую неоднозначность, связанную с определением и взаимоотношением таких понятий, как «уличное искусство», «урбанистическое искусство», «городское искусство», «стрит-арт» и «паблик-арт», которые нередко используются применительно к одним и тем же художественным объектам и практикам.

Особенно неоднозначной, на наш взгляд, является ситуация с осмыслением паблик-арта – искусства в общественном пространстве, рассчитанного на «взаимодействие со зрителями разного уровня художественной подготовки» (Петров, 2019, с. 78) и санкционированного властью (Вильчинская-Бутенко, 2022, с. 20). С одной стороны, можно наблюдать негативное отношение к паблик-арту как к «заказному» искусству (Пилюкин, 2018, с. 8), которое трактуется как инструмент идеологической политики государства, аналогичный советскому монументальному искусству (фрескам, мозаикам, скульптуре), наполняющему городскую визуальную среду значимыми для государства смыслами. С другой стороны, происходит переосмысление такого однозначно отрицательного понимания паблик-арта, поскольку отмечается вариативность существующих в его рамках художественных практик, их направленность на коммуникацию с обществом, соучастие жителей и содействие «возрождению чувства места и идентичности» (Богомяков & Чистякова, 2014, с. 183). Различие интерпретаций связано с акцентом на разных значениях англоязычного понятия “public”, которое можно понимать как «государственный» (по аналогии с “public governance” – «государственное управление») или как «общественный» (по аналогии с “public space” – «общественное пространство»). Выбор того или иного варианта смыслового акцента определяет и ценностное отношение к феномену паблик-арта: от резко отрицательного до умеренно положительного.

В данном исследовании мы рассмотрим паблик-арт в рамках культурологического подхода – как одну из форм визуализации локального культурного кода (Спешилова & Аванесов, 2023). В этом контексте для нас значимы коммеморативные функции паблик-арта, его «свойство пространственной метафоры и символа» (Сефер, 2022, с. 94), роль в актуализации культурной памяти города (Федотова, 2023) и репрезентации городской идентичности. На примере муралов Великого Новгорода мы проанализируем, какие историко-культурные и мифологические нарративы воспроизводятся и транслируются на представленных в городе монументальных живописных композициях, а также оценим, как они отражают и в то же время подчёркивают уникальность новгородского культурного ландшафта. Однако, прежде чем обратиться непосредственно к муралам Великого Новгорода, мы кратко представим некоторые варианты осмысления паблик-арта в российском научно-исследовательском дискурсе, которые позволят более детально раскрыть особенности этого художественного явления.

Осмысление паблик-арта в российском академическом дискурсе: нюансы интерпретаций

И в статьях российских исследователей, и в высказываниях самих художников паблик-арт как легальное, официальное уличное искусство зачастую противопоставляется стрит-арту как нелегальной, неофициальной художественной практике. В общих чертах стрит-арт характеризуется как анонимный, спонтанный, протестный, непредсказуемый, свободный, а паблик-арт – как предсказуемый, общественно одобряемый, цензурируемый и ограничивающий свободу творчества рамками заказа. Кроме того, данные художественные практики серьёзно отличаются с точки зрения темпоральности существования созданных произведений: «объекты паблик-арта нередко изначально “защищены” от уничтожения властями, срок их жизни определяется желанием заказчика» (Кораблева, 2018, с. 12), тогда как стрит-арт объекты чаще всего существуют непродолжительное время и уничтожаются коммунальными службами.

Подобное разделение по критерию санкционированности и ряду других параметров представлено, например, в статье «Режимы визуализации урбанистического искусства: стрит-арт vs паблик-арт» (Вильчинская-Бутенко, 2022). В данной работе, в частности, отмечается, что «посыл паблик-арта примитивен и конкретен, как у рекламы и пропаганды» (2022, с. 29), тогда как стрит-арт описывается в качестве более искреннего, честного и актуального искусства. Однако такая однозначная оценка двух «режимов визуализации урбанистического искусства» не учитывает существование многих паблик-арт-объектов, которые по своей идее не имеют ничего общего с пропагандой (ил. 1), равно как и существование стрит-арт-объектов, которые созданы в рамках коммерческих заказов от частных лиц.

Ил. 1. «Всё это не сон». Автор: Тима Радя, 2018.
Проект для фестиваля «Арт-овраг» в Выксе.
Источник: <https://deniscollection.com/radya/vse-eto-ne-son/>

Во многих российских статьях, несмотря на признание существующей оппозиции между легальным и нелегальным уличным искусством¹, подчёркивается, что «не нужно пытаться унифицировать деятельность паблик- и стрит-артистов, воспринимать их как два полярных лагеря» (Кораблева, 2018, с. 16). Большинство исследователей придерживается более взвешенного отношения к паблик-арту, отмечая, что многие художники, которые создают арт-объекты в рамках фестивалей при согласии конкретных городских администраций, начинали свой творческий путь с несанкционированного стрит-арта. Несмотря на то, что паблик-арт является вектором «институализации протестного городского искусства», предполагающим работу с заказчиком и ориентацию на его запрос, художники стремятся «сохранить стиль, манеру и лицо» (Петров, 2019, с. 78) при создании согласованных объектов уличного искусства. Свобода художника не в том, чтобы творить исключительно нелегально, но в том, чтобы выбирать подходящий для себя формат, оставаясь при этом верным своим идеям. Сотрудничество с официальными институциями не умаляет художественной и социокультурной значимости объекта, если она действительно есть.

Переосмысление паблик-арта в менее оценочном и более содержательном ключе представлено в упомянутом нами сборнике «Public art vs город: диалог или противостояние?» (Пуликова, 2022), а также в работах О. В. Шлыковой (2021), К. Э. Сефер (2022 а, 2022 б), Е. А. Карцевой (2023) и некоторых других авторов. Исследователи связывают возникновение паблик-арта прежде всего с появившейся в США в 1960-х годах государственной программой, направленной на приобщение населения к искусству благодаря расположению арт-объектов в общественных пространствах, в том числе удалённых от центра (Карцева & Звягинцева, 2020, с. 60). При этом акцент в определении паблик-арта делается не столько на том, что это легальное уличное искусство, сколько на том, что это искусство, отражающее особенности того места, в котором оно расположено, доступное любому зрителю и предполагающее соучастие общества. В этом смысле паблик-арт призван «не бороться с городом, с общественным пространством, а брать его, это пространство, в соавторы, проявляя его внутреннее содержание, историю, его дух» (Пуликова, 2022, с. 15) и визуализируя представления людей, проживающих (или работающих) в этом месте. Выразительным примером так понимаемого паблик-арта является проект «Культурный код» (2017) Марины Звягинцевой, который развивал «идею вторжения современного искусства в культурный вакуум “спального района”» и изначально выстраивался с согласия жителей дома, возле которого была локализована уличная инсталляция².

Яркий пример детального исследования искусства в общественном пространстве, основанного на полевом опыте, представлен в статье «Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск» Н. В. Петрова (2019). В ней автор рассказывает о реализации пятилетней паблик-арт программы «Сказки о золотых яблоках»³ в Альметьевске и возникновении протестной самоорганизации локальных сообществ в случае игнорирования приоритетов и интересов местных жителей при «трансформации городского пространства сверху» (Петров, 2019,

¹ В частности, в Екатеринбурге какое-то время проводились два фестиваля уличного искусства: «официальный» международный фестиваль «Стенография» (с 2010 по н. в.) и партизанский фестиваль «Карт-Бланш» (2018–2022).

² Подробнее о проекте см.: <https://artmarin.ru/public-art/kulturnyy-kod>.

³ Официальный сайт паблик-арт программы: <https://almetpublic.art/>.

с. 102). Представленный в статье кейс, с одной стороны, демонстрирует значимость паблик-арта для позиционирования национального и культурного кода города, а с другой стороны, подчёркивает необходимость более тесного контакта организаторов с жителями тех домов, где планируется размещать арт-объекты, и учёта технического состояния самого дома и степени благоустройства придомовой территории. Для местных жителей, как правило, первоочередное значение имеют прагматические вопросы, связанные с приведением в порядок здания и близлежащей территории, тогда как эстетическое измерение является второстепенным.

Реабилитация паблик-арта в контексте культурологического подхода связывается, помимо прочего, с его коммеморативными функциями. Визуализация культурной памяти города осуществляется разными способами, в том числе с помощью уличного искусства, которое может быть направлено на отражение значимых событий городского прошлого, локальных мифов и символов, художественных нарративов и преданий. Как пишет Ян Ассман, «субъектом памяти и воспоминания всегда остаётся отдельный человек, но он зависим от “рамок”, организующих его память» (Ассман, 2004, с. 37). Городская среда в целом и паблик-арт в частности являются такой рамкой, которая актуализирует определённые культурные смыслы и влияет на сохранение этих смыслов в памяти горожан. Важно, что «коммеморативный паблик-арт воспроизводит образы культурной и коллективной памяти без строгой демаркации прошлого и настоящего, опираясь на актуальный социокультурный контекст» (Сефер, 2022 а, с. 100). Таким образом, благодаря паблик-арту культурная память города становится частью городской повседневности, с которой непосредственно взаимодействуют и горожане, и туристы.

Ключевыми содержательными характеристиками паблик-арта, помимо санкционированного размещения в общественных пространствах, являются 1) сайт-специфичность (*site-specific*), то есть ориентация на конкретное место, на особенности локального контекста и характерные для него смыслы, 2) направленность на широкую аудиторию, 3) вовлечение местных сообществ в процесс создания арт-объекта, 4) усиление образности отдельных фрагментов городской среды. Кроме того, ряд исследователей выделяет среди характеристик паблик-арта социальную ангажированность (Карцева & Звягинцева, 2020, с. 67), то есть стремление выразить социальные проблемы общества. Однако стоит отметить, что далеко не все паблик-арт проекты являются социально ангажированными, многие из них имеют скорее культурно-символическую (или даже концептуально-философскую) направленность.

Многообразие форм паблик-арта – от скульптурных объектов, инсталляций и монументальных настенных росписей до перформансов, театральных действий и других интерактивных арт-событий в городской среде – осложняет осмысление этого феномена. Однако во всём этом многообразии форм очевидным остаётся стремление к развитию и «реабилитации городской среды за счёт культурных проектов» (Вейц, 2012, с. 95). В межрегиональном масштабе именно символическое позиционирование территории, направленное на усиление локальной идентичности, является инструментом привлечения различных ресурсов и способом подчеркнуть свою уникальность среди других российских городов. Так, например, «масштабные программы заказа произведений для городских улиц и площадей сделали паблик-арт визитной карточкой таких городов, как Пермь или Выкса» (Савицкая, 2022, с. 113). Паблик-арт в этих городах стал хрестоматийным примером успешной

ревитализации городских пространств, тогда как паблик-арт программы в других городах зачастую оказываются за рамками научно-исследовательского внимания.

Паблик-арт как форма визуализации культурного кода (на примере Великого Новгорода)

В большинстве статей, посвящённых уличному искусству, так или иначе упоминаются городские арт-объекты Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода, однако использование аналогичных культурных проектов для возрождения территорий (Trubina, 2018, p. 677) характерно и для многих других российских городов. Так, например, в Великом Новгороде с 2019 года проводится ежегодный Всероссийский фестиваль уличного искусства «Страницы истории»⁴, в рамках которого в городе создано более 20 муралов – монументальных живописных композиций, нанесённых на стены зданий (реже – на другие поверхности, например, на заборы). Как пишет М. Е. Маевская, «в пространстве современного города можно найти разные жанры муралов: пейзажи и натюрморты, геометрические абстракции и полномасштабные портреты, жанровые сценки и анималистические фантазии» (Маевская, 2022, с. 55), выполненные в различных техниках. Муралы в Великом Новгороде тоже представлены в разных жанрах, хотя по содержанию их можно объединить в несколько тематических групп, которые мы рассмотрим чуть позже.

Важно подчеркнуть, что в Великом Новгороде «давно возникла необходимость благоустройства территорий, изменения внешнего облика микрорайонов и гармонизации визуальной среды» (Гептинг, 2022, с. 127). Несмотря на наличие уникального историко-культурного наследия на Новгородской земле, жилая застройка Великого Новгорода, возведённая в послевоенные годы в почти полностью разрушенном городе, является весьма однообразной и монотонной. В связи с этим и сами жители, и административные органы стремятся преобразовать и приукрасить безликие фасады домов и типовые дворовые пространства.

Фестиваль уличного искусства «Страницы истории» ввиду санкционированности созданных арт-объектов, безусловно, является паблик-арт программой. Инициаторами фестиваля в 2023 году выступили Комитет по молодёжной политике Новгородской области и Дом Молодёжи Новгородской области, организаторами (с 2019 года) – творческая команда «Desarte365» под руководством Александра Милицина. Сам фестиваль целенаправленно позиционируется как инструмент сохранения культурной памяти, направленный на визуализацию исторических и мифологических событий, а также известных личностей и персонажей, связанных с Новгородской землёй. Однако стоит отметить, что организаторы не привлекают местные городские сообщества к процессу открытого обсуждения будущих арт-объектов: эскизы муралов, предложенные авторами в рамках конкурса, оцениваются закрытой экспертной комиссией, состав которой публично не афишируется, тогда как для жителей города сюжет каждого нового мурала – это, как правило, загадка.

Вместе с тем созданные муралы воспринимаются жителями города преимущественно благосклонно. Это свидетельствует о том, что отобранные экспертной комиссией работы органичны для Великого Новгорода, поскольку так или иначе раскрывают культурный код, локализованный на местном уровне (Карцева, 2023, с. 72).

⁴ С 2020 года география фестиваля охватывает и другие населённые пункты Новгородской области: г. Старая Русса, г. Валдай, г. Боровичи, д. Ручьи и др.

К примеру, в 2020 году, спустя год после проведения первого фестиваля, члены градостроительного совета Великого Новгорода раскритиковали муралы, расположенные на центральных улицах города, по ряду причин: отсутствие общественного обсуждения, низкое качество некоторых работ, искажение облика исторического центра⁵. Однако опрос, проведённый информационным порталом «ЧП 53 Великий Новгород. Новости» в социальной сети «ВКонтакте»⁶, в котором приняли участие более 5000 человек, показал, что большинство жителей (90,1%) считает, что муралы «красиво и достойно выглядят на унылых стенах». Только небольшая часть респондентов (7,3%) согласилась с тем, что муралам не место в центре города. Некоторые респонденты (2,6%) предложили свой ответ в комментариях. Помимо этого, согласно результатам публичного опроса, организованного в социальной сети «ВКонтакте» общественным движением «Новый город», 34,6% респондентов назвали муралы на фасадах домов «лучшим решением в благоустройстве Новгорода в 2019 году»⁷. Тем не менее, стоит заметить, что в последующие годы проведения фестиваля муралы стали располагать в спальных районах, удалённых от исторического центра.

Наполнение городской среды паблик-арт объектами, как подчёркивает Е. А. Карцева, особенно актуально «для территорий, которые порой обладая богатым культурным и творческим наследием, но при этом испытывая некую депопуляцию, особенно нуждаются “в выводе из забвения” своих ресурсов и поиске органичного взаимодействия художественных практик и социальной активности, продуцирующих новые образы городской среды» (Карцева, 2023, с. 72). Актуализация ключевых историко-культурных нарративов с помощью новых художественных форм позволяет решить «проблему дефицита культурных ресурсов на территории новых застроек, спальных районов» (Шлыкова, 2021, с. 126) и наполнить однотипные пространства локально значимыми смыслами.

Муралы, созданные в Великом Новгороде в рамках фестиваля «Страницы истории», можно разделить по содержанию на следующие тематические группы: 1) гении места; 2) исторические сюжеты; 3) мифы и легенды; 4) культурное наследие; 5) природные объекты; 6) современные герои. Визуализация именно таких тематических направлений совпадает с теми факторами, которые задают «кодирование городской реальности» и определяют уникальный культурный код города (Федотова, 2022, с. 10). Причём самая многочисленная группа среди представленных – это муралы, на которых изображены «гении места», то есть известные личности или былинные персонажи, так или иначе связанные с Великим Новгородом: Садко, Александр Невский, Ярослав Мудрый, Сергей Рахманинов, Николай Миклухо-Маклай, Анна Ахматова (ил. 2). На мурале, посвящённом Анне Ахматовой, помимо портрета поэтессы, расположены следующие строки из её стихотворения:

Спокойной и уверенной любви
 Не превозмочь мне к этой стороне:
 Ведь капелька новгородской крови
 Во мне – как льдинка в пенном вине.

Анна Ахматова, 1916.

⁵ <https://vnovgorode.ru/obshchestvo/28977-muraly.html>

⁶ https://vk.com/wall-40496980_7160693

⁷ https://vk.com/poll-47536592_364955856

Примечательно, что при создании мурала художницы вместо слова «новгородской» сперва написали «новгородской». Эта неточность стала поводом для активного вовлечения горожан в обсуждение данного арт-объекта, который с эстетической точки зрения жители города оценили положительно: *«радует глаз, уж точно лучше, чем пустая серая стена»*, *«отличная работа, горжусь Новгородом, так держать»*, *«спасибо создателям, очень красиво!»*. Однако пропуск буквы и искажение оригинального текста горожане справедливо посчитали недопустимым, поэтому впоследствии ошибочный фрагмент был исправлен на аутентичный.

Ил. 2. Мурал «Анна Ахматова». Фото: Сергей Аванесов, 2024.
Авторы: Дарья Романова и Наталья Сафронова, 2021.

Сюжеты, имеющие отношение к истории новгородских земель, визуализированы на муралах «Ладья» (2019, ил. 3), «Оттенки истории» (2019) и «Новгородский жемчуг» (2021, ил. 4). Новгородская ладья, с одной стороны, символизирует проходивший через новгородские земли торговый путь «из варяг в греки», а с другой стороны, отражает эпизод призвания варягов на княжение в Новгород в 862 году. Мурал «Оттенки истории» визуализирует памятник «Тысячелетие России», вокруг которого яркими пятнами играют краски. А на мурале «Новгородский жемчуг» мы видим отсылку к ранее существовавшему в бассейне озера Ильмень промыслу речного жемчуга, который в настоящий момент «основательно забыт» и не может быть возобновлён «из-за низкой численности жемчужниц» (Попов, 2014, с. 131). Ранее новгородским жемчугом украшали иконы, светские и церковные одежды, из него создавали ожерелья, кольца и серьги.

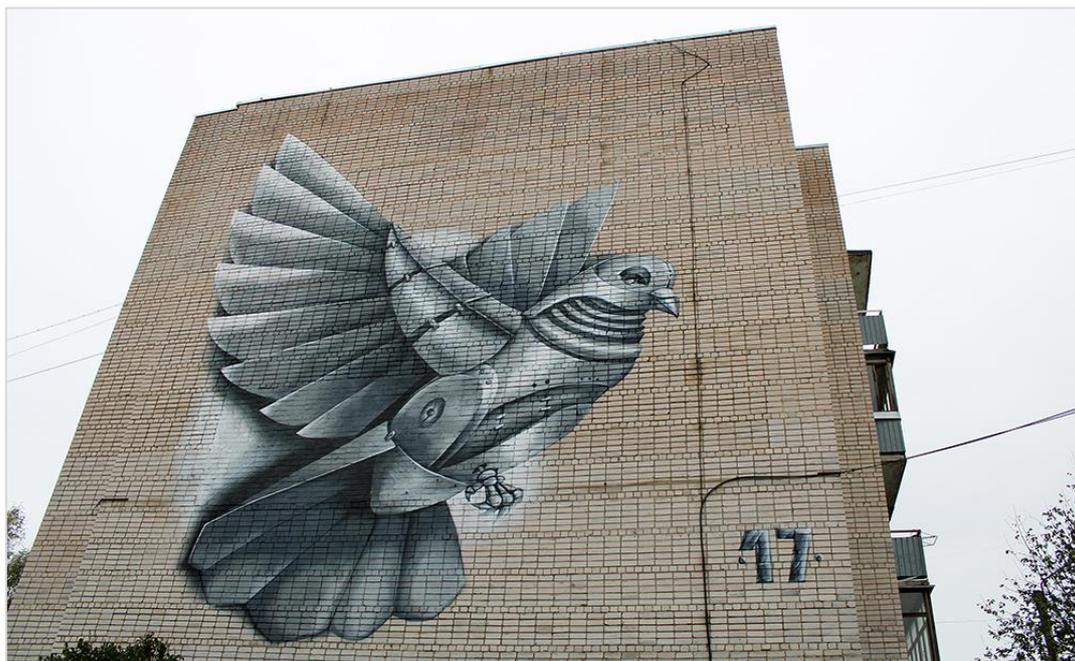
Ил. 3. Фрагмент мурала «Ладья». Фото: Сергей Аванесов, 2019.
Авторы: Александр Лагерев и Станислав Зудинов, 2019.

Ил. 4. Мурал «Новгородский жемчуг». Автор: Анастасия Малиновская, 2021.
Фото: группа фестиваля «Страницы истории» в социальной сети «ВКонтакте».

Ил. 5. Мурал «Рыба». Автор: Илья Карпов, 2019.
Фото: Сергей Аванесов, 2019.

Ил. 6. Мурал «Голубь». Фото: Сергей Аванесов, 2023.
Авторы: Яна Шалагинова и Дарья Романова, 2023.

Четыре новгородских мурала – «Богиня молодости Геба» (2019), «Рыба» (2019, ил. 5), «Мать-медведица» (2022) и «Стальной голубь» (2023, ил. 6) – связаны с мифологическими сюжетами. Причём если первый мурал отсылает зрителя к древнегреческим мифам, то остальные имеют локальную привязку. На мурале «Рыба» автор изобразил церковь Николая на Липне, расположенную на острове в дельте реки Мсты, а мурал «Мать-медведица» в мультиплицированном виде презентует девушку, олицетворяющую реку Волхов, и медведицу с медвежонком, что символизирует целостность природы. Пожалуй, самая известная новгородская легенда в необычном формате представлена на мурале «Стальной голубь». Согласно местной легенде, голубь, присевший на крест Софийского собора, окаменел от ужаса, когда увидел зверства Ивана Грозного над новгородцами. Кроме того, с голубем, согласно христианской традиции символизирующим Святого Духа, связывается Божественное покровительство Великому Новгороду: считается, что, пока голубь сидит на кресте, быть городу в безопасности.

Культурное наследие упоминается на мурале «В Великом» (2022), в котором зашифрованы различные новгородские архитектурные сооружения и герои, а также на новом мурале (2023), расположенном на здании Колмовской библиотеки и выполненном по мотивам рисунков мальчика Онфима – новгородского мальчика XIII века, который является автором нескольких берестяных грамот. Муралы «Вечер на Ильмене» (2022) и «Гроздья рябины» (2023) привлекают внимание зрителя к природным объектам Новгородской области.

Подвиг врачей, героически противостоящих эпидемии COVID-19, в 2020 году запечатлели на мурале «Герои среди нас», расположенном в Западном районе Великого Новгорода. Ещё два мурала, созданных в рамках Всероссийского фестиваля уличного искусства «Страницы истории» – «Книжный шкаф» (2019) и «Мальчик и небо» (2020) – сложно отнести к какой-то определённой группе, поскольку на них представлены достаточно универсальные сюжеты. Вместе с тем даже на данных настенных росписях авторы сделали отсылки к каким-то локально значимым датам или событиям: на мурале «Книжный шкаф» на корешках книг указана памятная дата, к которой было приурочено проведение первого фестиваля, – 1160-летие Великого Новгорода, а мурал «Мальчик и небо» автор посвятил своему отцу, который когда-то служил военным лётчиком в Кречевицах.

Паблик-арт в Великом Новгороде не исчерпывается работами, созданными в рамках фестиваля «Страницы истории». Из недавнего можно отметить реализованный в 2023 году проект «Паблик-арт с вовлечением жителей», в рамках которого студенты отделения дизайна Новгородского областного колледжа искусств имени С. В. Рахманинова создали в городе два арт-объекта на сооружениях технического назначения. Кроме того, по инициативе администрации города в 2023 году новгородский художник Антон Макушин представил мурал «Великий Новгород – родина России» ко Дню зарождения российской государственности. На нём визуализированы пять основных идеологем, связанных с позиционированием города в средствах массовой информации (Спешилова, 2023, с. 44–46) и формированием его имиджа. Как мы видим, содержательно муралы Великого Новгорода посвящены различным темам, однако большинство из них имеют коммеморативное значение и являются сайт-специфичными, поскольку визуализируют ценные в контексте местной истории и культуры события. Репрезентация историко-культурной и мифологической тематики на муралах способствует формированию локальной идентичности и усиливает образность городской среды.

Заключение

Несмотря на то, что эскизы муралов, созданные в рамках Всероссийского фестиваля уличного искусства «Страницы истории», предварительно широко не обсуждались с городской общественностью, следует отметить органичность их сюжетов для Великого Новгорода. Ни один из представленных выше муралов не вызвал заметной протестной активности жителей города, аналогичной той, что возникла в Альметьевске по отношению к муралу «Защитник» греческого художника Фикоса (Петров, 2019, с. 94–102). Тем не менее, ввиду отсутствия партиципаторных практик при проведении фестиваля нельзя исключать риск появления протестной активности при создании новых муралов в дальнейшем.

Искусство в общественных пространствах Великого Новгорода, особенно расположенное в типовых советских районах, позволило индивидуализировать городскую среду и создать новые точки притяжения, актуальные не только для горожан. Муралы стали частью новых экскурсионных маршрутов, которые пролегают как по символическому центру города, так и по городским окраинам. Кроме того, публич-арт, являясь позитивным инструментом городского благоустройства, выполняет ещё и навигационную функцию: и местным жителям, и туристам легче ориентироваться в городе тогда, когда у них есть возможность дифференцировать пространство благодаря ярким арт-объектам.

Уличное искусство в Великом Новгороде разнообразно, однако именно публич-арт представляет собой форму целенаправленной визуализации локального культурного кода, который репрезентирует коллективно значимые смыслы и «способствует действительной актуализации глубинного наследия, включая его в коммуникативные процессы и пространства сегодняшней жизни» (Спешилова & Аванесов, 2023, с. 233). Безусловно, многие актуальные темы остаются за рамками публич-арт программ, но такова особенность этого художественного феномена. Вместе с тем публич-арт, в отличие от традиционных памятников, нетривиальным образом визуализирует исторические и мифологические сюжеты, связанные с городом, предлагая реципиенту современный вариант прочтения локального текста в новых «местах памяти» и тем самым подчёркивая уникальность места. Таким образом, благодаря публич-арту культурный код становится частью городской повседневности и включается в жизненный мир современных горожан.

Библиография

- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (М. М. Сокольская, пер.). Языки славянской культуры.
- Ахматова, А. (1998). *Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1904–1941*. Эллис Лак.
- Богомяков, В. Г., & Чистякова, М. Г. (2014). Публич-арт в контексте идентичности. *Вестник Тюменского государственного университета. Философия*, 10, 183–190.
- Вейц, М. Е. (2012). Проекты публич-арт как диалог между художниками и горожанами (на примере проекта «Критическая масса»). *Журнал исследований социальной политики*, 10(1), 95–108.
- Вильчинская-Бутенко, М. Э. (2022). Режимы визуализации урбанистического искусства: стрит-арт vs публич-арт. *Вестник Томского государственного*

- университета. *Культурология и искусствоведение*, 47, 18–34.
- Гептинг, Э. Л. (2022). Живопись новгородских дворов как форма самодеятельной творческой активности горожан. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 2(3), 126–135. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-126-135](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-126-135).
- Карцева, Е. А. (2023). Визуальный облик города и городская коммуникация средствами паблик-арта: российский опыт. *Наука телевидения*, 19(1), 13–78. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-13-78>.
- Карцева, Е. А., & Звягинцева, М. Л. (2020). Паблик-арт. Терминологические подходы и критерии идентификации. *Артикульт*, 37(1), 58–73.
- Кораблева, А. В. (2018). Стрит-арт, паблик-арт, уличное искусство: дифференциация понятий. В К. А. Куксо (ред.), *Эстетика стрит-арта*. (с. 10–17). СПбГУПТД.
- Куксо, К. А. (ред.). (2018). *Эстетика стрит-арта*. СПбГУПТД.
- Маевская, М. Е. (2022). Особенности присутствия традиций монументального искусства в пространстве города XXI века. *Современная архитектура мира*, 18(1), 49–69.
- Петров, Н. В. (2019). Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск. *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 74–105.
- Пиликин, Д. Г. (2018). Терминология уличного искусства. Опыт словарных дефиниций. В К. А. Куксо (ред.), *Эстетика стрит-арта*. (с. 4–9). СПбГУПТД.
- Попов, И. Ю. (2014). «Правило озера» и другие закономерности в распространении обыкновенной жемчужницы *Margaritifera Margaritifera*. *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, 2, 126–139.
- Пуликова, И. В. (ред.). (2022). *Public art vs город: диалог или противостояние?* Государственный институт искусствознания.
- Пуликова, И. В. (2022). Public art vs город: трансформация конфликта? В И. В. Пуликова (ред.), *Public art vs город: диалог или противостояние?* (с. 5–15). Государственный институт искусствознания.
- Савицкая, А. (2022). Непубличный паблик-арт. Художественные стратегии работы с общественными пространствами в Нижнем Новгороде в 2010-х годах. В И. В. Пуликова (ред.), *Public art vs город: диалог или противостояние?* (с. 111–118). Государственный институт искусствознания.
- Сефер, К. Э. (2022 а). Актуальные коммеморативные арт-практики (на примере паблик-арта). *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 1(41), 91–103.
- Сефер, К. Э. (2022 б). Уличное искусство и паблик-арт: сравнительная характеристика. *Культура и цивилизация*, 12(1А), 49–58.
- Спешилова, Е. И. (2022). Urban imaginary: образ города и медиасреда. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(3), 35–54.
- Спешилова, Е. И., & Аванесов, С. С. (2023). Визуальная структура городской среды и концепт культурного кода. *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 4(38), 222–239.
- Федотова, Н. Г. (2022). Культурный код города. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 13(4), 10–24.
- Федотова, Н. Г. (2023). Культурная память города: особенности репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 50, 153–165.
- Шлыкова, О. В. (2021). Цифровые практики паблик-арта: коммуникативные стратегии «умного» города. *Вестник культуры и искусств*, 3(67), 124–134.

Trubina, E. (2018). Street art in non-capital urban centres: between exploiting commercial appeal and expressing social concerns. *Cultural Studies*, 32(5), 676–703.

References

- Akhmatova, A. (1998). *Collected works in six volumes. Vol. 1. Poems 1904–1941*. Ellis Lak. (In Russian).
- Assmann, J. (2004). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* (M. M. Sokol'skaya, Trans.). *Yazyki slavyanskoi kul'tury*. (In Russian).
- Bogomyakov, V. G., & Chistyakova, M. G. (2014). Public art in the context of identity. *Tyumen State University Herald. Philosophy*, 10, 183–190. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2022). The cultural code of the city. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 13(4), 10–24. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2023). Cultural memory of the city: Features of representing the narratives of local patriotism in the urban environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 50, 153–165. (In Russian).
- Gepting, E. L. (2022). Painting of Novgorod courtyards as a form of amateur creative activity of citizens. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 2(3), 126–135. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-126-135](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-126-135). (In Russian).
- Kartseva, E.A. (2023). Visual image of the city and urban communication by means of public art: Russian experience. *Nauka Televidenya – The Art and Science of Television*, 19(1), 13–78. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-13-78>. (In Russian).
- Kartseva, E. A., & Zvyagintseva, M. L. (2020). Public art: Terminological approaches and identification criteria. *Art & Cult*, 37(11), 58–73. (In Russian).
- Korableva, A. V. (2018). Problem of conceptual differentiation in street art. In K. A. Kuxo (Ed.), *The Aesthetics of Street Art*. (pp. 10–17). SPbSUITD. (In Russian).
- Kuxo, K. A. (Ed.). (2018). *The aesthetics of street art*. SPbSUITD. (In Russian).
- Maevskaya, M. E. (2022). Features of the traditions of monumental art in the space of the 21st century city. *Contemporary World's Architecture*, 18(1), 49–69. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2019). Local text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almet'yevsk. *Urban Folklore & Anthropology*, II(3–4), 74–105. (In Russian).
- Pilikin, D. G. (2018). Terminology of street art. Vocabulary definition. In K. A. Kuxo (Ed.), *The Aesthetics of Street Art*. (pp. 4–9). SPbSUITD. (In Russian).
- Popov, I. Yu. (2014). “Lake rule” and other regularities in the distribution of the freshwater pearl mussel *Margaritifera Margaritifera*. *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science*, 2, 126–139. (In Russian).
- Pulikova, I. V. (Ed.). (2022). *Public art vs city: Dialogue or confrontation?* The State Institute for Art Studies. (In Russian).
- Pulikova, I. V. (2022). Public art vs city: Transformation of the conflict? In I. V. Pulikova (Ed.), *Public art vs city: Dialogue or confrontation?* (pp. 5–15). The State Institute for Art Studies. (In Russian).
- Savitskaya, A. (2022). Non-public public art. Artistic strategies in the public space of Nizhny Novgorod in the 2010s. In I. V. Pulikova (Ed.), *Public art vs city: Dialogue or confrontation?* (pp. 111–118). The State Institute for Art Studies. (In Russian).

- Sefer, K. E. (2022 a). Actual commemorative art practices (on example of public art). *Gumanitarnyye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 1(41), 91–103. (In Russian).
- Sefer, K. E. (2022 b). Urban art and public art: comparative characteristics. *Culture and Civilization*, 12(1A), 49–58. (In Russian).
- Shlykova, O. V. (2021). Digital practices of public art: «Smart» city communication strategies. *Culture and Arts Herald*, 3(67), 124–134. (In Russian).
- Speshilova, E. (2023). Urban imaginary: City image and media space. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(3), 35–54. (In Russian).
- Speshilova, E. I., & Avanesov, S. S. (2023). Visual structure of the urban environment and the cultural code concept. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(38), 221–238. (In Russian).
- Trubina, E. (2018). Street art in non-capital urban centres: between exploiting commercial appeal and expressing social concerns. *Cultural Studies*, 32(5), 676–703.
- Veits, M. E. (2012). Public art as a form of dialogue between artist and citizens (the case of “Critical Mass” public art project). *The Journal of Social Policy Studies*, 10(1), 95–108. (In Russian).
- Vilchinskaya-Butenko, M. E. (2022). Modes of visualization of urban art: street art vs public art. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 47, 18–34. (In Russian).

Информация об авторе

Елизавета Ивановна Спешилова
 магистр философии
 научный сотрудник научно-образовательного
 центра «Гуманитарная урбанистика»
 Новгородский государственный университет
 имени Ярослава Мудрого
 Российская Федерация, 173003, Великий
 Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
 ORCID: 0000-0002-7859-3526
 Web of Science ResearcherID: AAH-4757-2019
 Scopus AuthorID: 56786229400
 e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta I. Speshilova
 Master of Philosophy
 Research Fellow of the Research and Educational
 Centre for Humanitarian Urbanistics
 Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
 Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-7859-3526
 Web of Science ResearcherID: AAH-4757-2019
 Scopus AuthorID: 56786229400
 e-mail: e.speshilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 10.05.2024
 Принят к публикации / Accepted 07.06.2024